

346 К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ

(К годовщине со дня смерти)

Станиславский еще при жизни стал до- стоянием легенды. В его дом в центре Москвы стекались искатели театральной правды. Непреходящее величие Станиславского заключается в том, что он подсмотрел, подслушал и изучил природу актерского искусства.

Станиславский, проникший в тайники творчества, создавший стройную систему воспитания актера, стоит вровень с Павловым и Мичуриным—разгадавшими тайны человека и природы. Станиславский был великим экспериментатором. Он никогда не удовлетворялся достигнутым, новое влекло его.

«Чего стоит то немпогое, что я знаю, перед тем миром, который мне неизвестен» — однажды горестно произнес Вольтер. Не кажутся ли эти слова питатой из автобиографической книги Станиславского? Быть может самой яркой чертой творческого облика великого художника является его неудовлетворенность достигнутым, жадное стремление узнать новое. В гениальной книге Станиславского «Моя жизнь в искусстве» — 725 страниц. Но в ней нет ни одной строчки, дышащей удовлетворенностью, самодовольством. Об успехе Станиславский упоминает вскользь, нехотя, как о случайности. Анализ неудач занимает основную часть книги. Жизнь Станиславского была свободна от любования собой. Если бы мы не знали о Станиславском ничего, кроме того, что он нам рассказал в своей книге, мы были бы вправе подумать, что его творческий путь состоял из одних только неудач и провалов.

Свою великую книгу Станиславский назвал «Моя жизнь в искусстве». С одинаковым правом он мог ее озаглавить «Мой подвиг в искусстве», ибо самая жизнь Станиславского была подвигом. Вся его

жизнь была отдана искусству. Искусство стало содержанием его жизни. И эту героическую жизнь характеризует труд, неустанный творческий труд.

Искусство, которому так преданно служил Станиславский, не было легким, бездушным, импровизационным. Он мог бы сказать о своем творческом пути словами другого великого труженика — Валерия Брюсова:

«Здравствуй, тяжкая работа.
 Плуг, лопата и кирка.
 Освежают капли пота,
 Поет сладостно рука».

От скромного любительства прошел Станиславский к созданию своей системы и

к организации Московского Художественного Театра. Это был сложный путь, самая сложность и извилистость которого свидетельствуют об огромной духовной энергии художника. Станиславский пример того, как нужно работать над собой.

И он работал до последних дней. Такова была неистовая жажда жизни у этого человека, что самая смерть не посмела прервать труд Станиславского до его завершения.

Станиславский—законный преемник и последний великих мастеров реалистического русского театра. И что бы ни говорили в свое время его враги—он никогда не отказывался от этого наследия.

Всю жизнь, как старатель, искал Станиславский золотые зерна своей системы и накопил к концу жизни огромные богатства. Он щедрой рукой отдал их народу, ибо для народа, а не для себя собирал их великий мастер.

В чем же заключается основа системы? Это не мертвая схема, не догма. Это самой жизнью обусловленные законы психологии творчества, Станиславским разгаданные и систематизированные.

Если у художника нет средств вызвать или создать творческое состояние, учит Станиславский, нужно устранить все, мешающее его приходу, и тем самым способствовать плодотворности художественного процесса. Основной элемент творческого состояния—внимание, умение направлять волю и воображение на определенный объект и умение свободно менять этот объект, не выпавая из «круга» сценических переживаний. Глубоко несправедливы все обвинения по адресу Станиславского в натурализме. Великий основатель МХАТ всегда подчеркивал настоятельную необходимость для актера верить в правду происходящего на сцене и в то же время

сознавать иллюзорность действия. Сценические переживания не должны быть тождественны житейским, актер не может забывать о рампе.

Основа творческой жизни актера—эмоциональная память, запас душевных ассоциаций, впечатлений и воспоминаний. Все пережитое не исчезает, как круг на воде, но оставляет неизгладимый след в сознании. Для работы над ролью необходимо разбудить фантазию и эмоциональную память. Тогда воспоминание о пережитом чувстве опять станет переживанием, а роль наполнится живой плотью эмоций. Невозможно охватить сразу большую роль в целом, необходимо, не забывая о целом, охватывать ее по частям.

Станиславский поясняет свою мысль таким примером. Человеку предстоит пройти трудный и утомительный путь. Пусть этот путь почти необъятен. Странник мысленно разбивает дорогу на ряд отрезков, как бы ставя перед собой задачу: «сначала я дойду до этого места, затем до этого и т. д.». Так незаметно путник доходит до цели. Таким же образом, по Станиславскому, должно разбить роль на куски (смысловые и эмоциональные отрезки, в пределах которых решается сценическая задача) и, идя от куска к куску, охватить всю роль. Учение Станиславского сложилось не сразу, оно постепенно выросло из его наблюдений и экспериментов, приобрело законченную форму.

За исключением первых лет любительства, вся художественная жизнь Станиславского протекла в стенах созданного им и В. И. Немировичем-Данченко Московского Художественного Театра. МХАТ возник в 1898 году, как театр передовой демократической интеллигенции, как театр, призванный утвердить правду в искусстве. МХАТ с первых лет своего существования стремился к драматургии, воплощающей действительность в полноценных художественных образах. Поэтому основными авторами театра стали Чехов и Горький.

Трудно охарактеризовать роль, сыгранную Станиславским в развитии МХАТ. Судьба театра и великого художника — неотделимы.

Станиславский—режиссер утвердил принцип ансамбля, т. е. согласованного единства актерского исполнения. Драматургия Чехова и Горького изощрила мастерство режиссера. Мало было объяснить актерам содержание образов, нужно было раскрыть внутренний мир действующих лиц, воссоздать духовную атмосферу, в которой живут герои.

Яркая фантазия, безграничная выдумка, изобретательность поистине неистощимая, гениальный педагогический дар совместились в Станиславском-режиссере.

Не менее значителен Станиславский-актер. Образы комедийные, ярко драматические и буффонные равно ему удавались. Но Станиславский был прежде всего характерным актером. Он был мастером яркой детали, смелого рисунка. Внимательный наблюдатель, он переносил на сцену увиденное в жизни. Он любил исключительное, но показывал его, как типичное. Так, ролился его поросший шерстью, глухой, одеревенелый Крутицкий («На всякого мудреца»), глядящий мертвыми глазами в пустоту и не виляющий человека, романтический оборванец Сатин («На дне»), жалкий, никчемный Гаев («Вишневый сад»), опустившийся гений-неулучник Левборт («Гелда Габлер»), самодовольный Фамусов («Горе от ума») и многие другие образы.

Станиславский был выдающимся мастером оперного театра, и в этой области его заслуги также огромны.

Прошел год со дня смерти великого художника. Но его заветы так близки нам, так много он завещает нам, так плодотворно его наследие, что, отмечая годовщину смерти Станиславского, мы ощущаем присутствие живого Станиславского в наших рядах.

А. ГОЗЕНПУД.